

СЕРГЕЙ ЛУЦКИЙ

В СОСНИНУ И ОБРАТНО

РАССКАЗ

1

Тамаре снится, будто она утенок. Маленький, жёлтый, с писклявым голосом. Где-то рядом мать, но Тамара её не видит, только знает, что она здесь. Откуда-то появляется чужая большая утка и начинает Тамару топить. Хватает сильным клювом за голову, окунает в тёмную враждебную воду, не даёт дышать. Удушье и ужас охватывают Тамару, она барахтается, пытается вырваться и всплыть, но какие её силы! Вместе с ужасом мысль: где мама, почему не отвывает, почему не прогонит страшную утку?! Тамара захлебывается, вода врывается в лёгкие, безысходность и смертная тоска.

Фу ты, блин!..

Женщина садится на постели, сердце стучит так, что того гляди проснётся Сашка. Дурацкий сон! Вчера она заходила в музей, принимала у деда Камина хантыйские луки и стрелы, может, потому обычно угрюмый дед разговорился, вертел в руках особую стрелу с набалдашником впереди. Когда такую пускали, она прыгала по воде и напоминала несущегося к матери утёнка. Утка бросалась навстречу и получала в грудь остриё на набалдашнике. Дед Камин говорит, для уток это обычное дело — топить чужой выводок. Потому матери так бросаются. Разговоришься, когда от Тамары зависит, сколько дед получит за свои экспонаты.

ЛУЦКИЙ Сергей Артёмович родился в 1945 году на Украине. Окончил Литинститут им. М. Горького. Работал в Госкомиздате РСФСР, Литературной консультации СП СССР, Министерстве печати России. Автор нескольких сборников прозы, его произведения переводились на украинский и арабский языки, а также на язык дари (Афганистан). Лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа по литературе. С 1994 года живёт в с. Большеярхово Нижневартовского района.

Сквозь тюль на окне всюду светит солнце, но Тамара смотрит на часы. В мае солнце не показатель, в два часа уже светло, практически начались белые ночи. Пять, рано. Тамара пробует заснуть ещё, но не получается. Сон про утку, которая её топит, не даёт. Всё в нём так осязаемо, явственно, будто происходило на самом деле: жёсткая хватка сильного клова, упругость озёрной воды, ужас... Нет, не заснёт, надо подниматься.

В Тамаре килограммов девяносто, перебраться через Сашку она старается аккуратно. Но тот всё равно просыпается. Не открывая глаз, улыбается и пытается ухватить за бёдра.

— Отстань.

Сашка открывает глаза и удивлённо смотрит.

— Ты чего?..

— Настроения нет.

Сашка пожимает плечами. Хорошо выспавшийся, он выглядит сейчас особенно молодо. Сашка похож на киноартиста Михаила Кузнецова из старых фильмов, брюнет с голубыми глазами, был когда-то такой.

— Дело хозяйское.

И отворачивается к стенке. Обиделся. Но Тамаре сейчас всё равно. Вчера было, хватит, не двадцать лет. И собираться надо. К тому же сон этот дурацкий, к чему — не поймёшь. Тамара в ночной рубашке принимается ходить по дому, отыскивает Сашкину сумку с надписью "Puma", прикидывает, что взять с собой.

Сейчас ездить в гости просто, подарки можно купить на месте, были бы деньги. Тамаре обижаться не приходится, зарплаты в администрации хорошие, недавно опять прибавили. Но лучше всё-таки своими руками, уважительнее. Когда выяснилось, что дочь наконец-то забеременела, она заказала по почте шерсть, связала комбинезончик. Потом УЗИ показало: двойня, мальчик и девочка, Тамара связала ещё один. Хорошо бы из своей шерсти. Раньше в деревне держали овец, но собаки всех передавили. Тамара помнит, как на лето овец перевозили на остров, но лайки и туда добрались. Плавали как на охоту.

Женщина откидывает крышку в подпол, спускается по ступенькам. Тепло под ночнушкой, будто в воду, окунается в стоялый холодный воздух — и сон про утку тут как тут. Тамара старается быстрее взять трёхлитровую банку белых грибов, и скорей назад. Банку она завернёт в детские комбинезоны, чтобы по дороге не разбить. Кстати будет, Наташка и зять вряд ли в прошлом году ходили за грибами. Всё мотались в Тюмень и обратно с этим искусственным оплодотворением. Хорошо хоть, результат есть, четыре года ничего у них не получалось. У зятя какие-то ленивые сперматозоиды.

— Оленину возьми. Я там разделал на куски, в морозилке лежит.

Сашка тоже встал, умывается на кухне под кухонным краном. Он уже забыл про свою обиду, поглядывает на Тамару весёлыми васильковыми глазами. У Сашки ещё одна особенность. На следующий после выпивки день губы у него становятся пунцовые, будто подведены помадой. Вампир прямо.

— Прикинь, поехали на гусей, а вернулись с оленьком!.. Интересно так получилось. Смотрим, прямо по курсу стадо переплывает, голов так двадцать...

Сашка никак не отойдёт от своей охотничьей удачи, принимается в очередной раз рассказывать, как с моторки он и ещё один мужик подстрелили дикого северного оленя. Он и вчера во время застолья в администрации только об этом говорил. По характеру Сашка лёгкий, общительный, многим нравится. Сам он не говорит, но Тамара догадывается, в их краях Сашка скрывается от алиментов.

— Загадку хочешь? — вдруг спрашивает он и заранее смеётся. — Скажи, чем деревенская женщина отличается от городской? Прояви сообразительность!..

Тамара отмахивается.

— Делать мне нечего.

С Сашкой хорошо, но беспокойно. Разница в возрасте всё-таки чувствуется. Сашка несколько секунд выжидательно смотрит, потом сообщает:

— У деревенских на заднице след от ведра!..

Можно было бы принять за намёк (а что, зимой приходится, удобства на улице), но Тамара знает, Сашка это от простоты, и смеётся тоже. Инте-

ресно, почему он к ней прибился? Потому, что она в администрации работает? Работала.

Пока собралась, позавтракали — начало девятого. Сашка ушёл к себе в пожарку, а Тамара берёт мобильник. Можно звонить Викторовне, та уже на работе.

— Начальник отделения почтовой связи... — заученным голосом начинает трубка.

Тамара смеётся:

— Отставить!.. Как ты там? Голова бо-бо? Или похмелилась?

— Не говори! — голос у подруги становится разбитным. Чувствуется, на почте она одна, посетителей пока нет, рано. — Ты же знаешь, не умею я похмеляться, такое паскудство!.. А не помешало бы, ей-богу, не помешало!

— Значит, угодила?

— А то нет! И вино, и водка, и пиво... Давно никто так с работы не уходил, кое-кому ты нос утёрла!

— Ну, пока только в отпуск.

— Так с последующим увольнением, не бойся, все соображают. Знают, что в няньки решила податься... Нет, Том, здорово было! Я не помню, кто ещё так уходил, стол прямо ломился.

Тамара понимает, подруга хочет сказать ей приятное, но и на самом деле она не поскупилась. Всё, что можно было купить в их деревенском магазине из выпивки и продуктов, купила. Был даже коньяк, специально в город заказывала. Тамара удовлетворённо улыбается, но сейчас важно другое. И она рассказывает про странный сон.

Викторовна какое-то время молчит, потом уточняет:

— Утка какого цвета была?

— Ну, дикая, какого они цвета — серая.

— А мать?

— Я её не видела, только знаю, что рядом. Но чужую почему-то не прогоняет.

— Хорошо, я в сонник посмотрю, недавно выписала. — Однако к её проблеме подруга относится легкомысленно. То ли мечтательно, то ли с горечью говорит: — Эх, Тома, накрылся теперь наш Кисловодск медным тазом! А как там хорошо, какой парк прекрасный!.. Не пожалеешь?

Тамара сообщает не сразу: почему накрылся?.. А, ей больше не предлагается санаторно-курортное лечение — всё, не бюджетница. В Кисловодске действительно хорошо, лучшее место на Кавминводах. С Викторовой они в прошлые годы побывали в Эссентуках, Пятигорске, Железноводске — компенсация за скудное северное лето, — но в Кисловодске лучше всего. Викторова ещё и романы крутила.

— А чего мне жалеть? Подкоплю, съездим.

— Ага, с пенсии!.. — иронизирует подруга. — Я, например, боюсь с работы уходить. Так авторитет, зарплата, а на пенсии?.. Ты обратила внимание, как Лариска вчера смотрела на Сашку? Так и съела бы. Ты, Том, держи уши топориком, а то уведет. Она мимо чужого пройти не может.

Тамара смеётся:

— Не уведёт! Он брезгливый, а на Лариске пробы негде ставить. Полдеревни молочные братья.

— Не зарекайся, мужиков не угадаешь. На Сашку твоего многие поглядывают. Если бы не подруга, я бы... Не боись, шутю!

Во время вчерашнего застолья в администрации Тамара не заметила, чтобы Лариска (раньше секретарь, сейчас, по-новому, старший специалист) ухлёстывала за Сашкой. Под конец забралась на стол и начала танцевать, задирая юбку, это да, но только и всего. Можно было бы сделать замечание, но раз Конкина, начальница, молчит, то чего Тамаре соваться. И смешно — с Ларискиной-то кирзовой физиономией на что-то рассчитывать. Однако Тамаре на время становится беспокойно. К Сашке она привыкла, уступать никому не хочет.

— Я за Сашку спокойна, — говорит она уверенным, даже безразличным голосом. И переводит разговор на то, ради чего, собственно, звонит: — Слу-

шай, Маш, мне самой неудобно, да и не успею. Поговори с Полиной Николаевной насчёт сна, пусть погадает. Она там как-то по свечке и блюдцу с водой. Говорят, всё точно. Ладно?

— Не вопрос! — щеголяет недавно появившимся в деревне словечком Викторевна. — А ты позванивай. Я знаю, что такое маленькие дети, с рук бы не спускала! Ты Серафимычу своему насчёт билета звонила?

— Какой он мой...

Теперь позвонить бы Наташке и сказать, что сегодня прилетит, но Викторевна права, сначала надо решить вопрос с билетом, мало ли что. Следующий звонок на аэроплощадку. Бывший муж солидно произносит:

— Вас слушают.

— Мне в Соснину сегодня надо.

Тамара не называет себя. Анатолий должен узнать по голосу. Как-никак вместе прожили почти двадцать лет, трёх дочерей родили.

— Ну и что?

— А ничего, место оставь.

— В порядке живой очереди. — И Анатолий кладёт трубку.

У Тамары раздуваются ноздри. Ну, козёл, всегда любил повыпендриваться! Потомук сибирских казаков, видишь ли!..

— К дочери твоей, между прочим, лечу, к внукам! — говорит она, нажав кнопку повторного вызова. — Не понимаешь, что ли?!

— Не надо скандалить, ты теперь на общих основаниях. Пришла, заняла очередь, купила билет, если останется. Бронь администрации на тебя не распространяется. — И бывший муж опять кладёт трубку.

Тамара плотно, до белизны сжимает губы. Умеет унизить! Вот скотина!.. Удивительно, как быстро всем стало известно, что она увольняется.

2

Тамара метиска, отец у неё ханты. Но об этом напоминают разве что скулы и слегка приподнятый к вискам разрез глаз. В остальном она в мать — белотелая, крупная, пропорционально сложенная. Та в пятидесятые приехала по вербовке в здешние края, работала сначала на рыбоучастке, потом устроилась ночной няней в интернат. Сама Тамара не помнит, но мать рассказывала, как в детстве отец смотрел на неё и качал головой: плохо, очень белая. Однажды на все деньги, полученные за соболиные шкурки, купил чёрного чая и велел Тамару купать каждый день в заварке, чтобы стала смуглой.

Отец вообще был занятный человек. В деревнях вдоль Реки до сих пор рассказывают историю о том, как один хант на своём обласе обогнал пароход “Антонин Зырянов”. Это про Тамариного отца. Капитан “Зырянова” пожалел аборигена, окликнул через жестяный рупор, предложил подвезти. “Нет, мне, однохо, быстро ната”, — якобы ответил хант. Капитан только засмеялся. И очень удивился, увидев ханта в деревне, куда “Антонин Зырянов” шёл, — тот уже спал пьяный у мыр-лавки. Оказывается, Натальин отец спрямлял себе путь, переносил легкий осиновый облас через перешейки, где Река делает большие петли. А петель у неспешной Реки с избытком. Отец и закончил жизнь по-особому. Не вышел из тайги весной, в конце сезона на соболя и белку. Что с ним случилось, так никто и не узнал.

В мать Тамара не только телом, но и характером. Спокойная, рассудительная. После восьмого класса пошла работать на звероферму и заочно поступила в техникум. Замуж вышла рано. Сначала с Анатолием жили так, потом расписались, когда родилась старшая дочь. Для их деревни это обычное дело. Многие парни вообще не женились, если до них у девушки никого не было. Дескать, если она никому не нужна, то мне зачем. В начале девяностых звероферму закрыли, и Тамара осталась без работы. Здесь и пригодилось то, что по паспорту она ханты. К тому же с техникумовским образованием.

Прежде малочисленная деревенская администрация в те годы стала стремительно разрастаться. Появилось с десятков различных должностей, в том числе специалиста по работе с коренным населением. Районный бюджет поз-

волял — не все нефтяные деньги стали уходить наверх. Как затем оказалось, временно, до Путина. А года два назад деревню включили в новообразованное сельское поселение. В администрации оставили трёх человек, и она теперь называется отделом. Тамарину должность не сократили — в деревне добрая половина ханты.

С Сашкиной сумкой “Puma” Тамара идёт к аэроплощадке. То, что на дворе май и начались белые ночи, ничего еще не значит. Ночью был ноль, и сейчас холодно, пришлось надеть куртку с капюшоном. Но это даже хорошо, не потечёт оленина в сумке. Вообще-то май самый лучший месяц. Без морозов — и комаров с мошкой ещё нет.

— Здравствуй, Тамара Ефремовна. Ты куда это собралась? — В голосе встречной Лыткиной преувеличенное удивление. Чёрные глазки сметливо бегают.

Тамара ставит тяжёлую сумку на землю, растирает ладонь со следами врезавшихся ручек.

— В Соснину надо, внуков ещё не видела.

— Выписали уже? — продолжает радостно удивляться Лыткина.

— Пора, месяц в боксе продержали. Двойня, роды тяжёлые.

Лыткина смеётся:

— Ты у нас теперь богатая бабушка! У старшей дочери дети, теперь у младшей... То ни одного, то сразу двое! Хорошо, сразу отмучается, может больше не рожать. Демографическую проблему в масштабах семьи решила!..

Говорить, что при искусственном оплодотворении двойня не редкость, Тамара не хочет. Вроде как тень на зятя. Она только молча улыбается и кивает головой.

— Как твои нижневартовцы поживают? — продолжает задавать вопросы Лыткина, не хочет Тамару отпускать. — Всё нормально? Оба работают? Сейчас с работой даже в городе проблема. А попробуй детей в детский сад устрой! Племянница звонила, сто сорок седьмые на очереди, три года ждать...

Лыткина любит поговорить, но на этот раз Тамаре кажется — неспроста. Она рассказывает, что перебравшаяся из деревни в Нижневартовск семья старшей дочери устроилась неплохо. А сама думает, не собирается ли Лыткина на её место. Лыткина она по мужу, а так ханты, окончила институт, кандидатура подходящая. Работает в школе, но, говорят, с первого сентября будут объединять начальные классы, первый с третьим, второй с четвёртым. Две учительницы окажутся лишними. Может, Лыткина ищет запасной аэродром.

— Ладно, побегу, а то билета не достается.

— Сегодня “боинг” или вертолёт?

— Дак четверг, вроде “боинг”.

— Тогда достанется! И тошнить не будет, ветра нет.

Тамара отвечает на “здрасьте” редких встречных, дышит пахнущим холодной хвоей воздухом, смотрит по сторонам. Привычно отмечает: дворы у ханты не такие, как у русских. В русских теплицы, грядки, а хантыйские пустые, с полёгшей прошлогодней травой. Многие даже не огорожены. На одном из подворий, громко стукнув дверью, появляется растрёпанный парень, делает несколько неуверенных шагов. Увидев Тамару, круто, едва не свалившись, поворачивает назад, скрывается в доме. Тоже привычно. Аборигены её побаиваются, пьяными стараются на глаза не показываться. Ведь в случае чего обращаться приходится к ней.

С хантыйскими подворьями ясно, люди привыкли жить лесом и рекой. Но раньше можно было ягоду, кедровый орех, другие дикоросы и рыбу сдать заготовителям. А сейчас тем невыгодно в их глухомань ездить. Пушнину тоже продать тяжело. И по безработице хантам уже не платят. Конечно, можно жить на стойбище, разводить оленей. Нефтяники до их мест пока не добрались, экологию не испортили. Но попробуй заставь молодёжь. Она выросла в интернате, тянется к нормальной жизни, а в деревне работы нет, молодёжь шивается, бичует. Так и получается, от одного ханты ушли, к другому не прибились.

Тамара даже не вздыхает. Привыкла.

В кармане куртки играет мобильник. На дисплее Викторевна. Удобная всё-таки штука, мобильник, с ним всегда на связи. Ещё недавно было странно видеть человека, который идёт по улице и сам с собой разговаривает, — крыша, что ли, поехала? Сейчас нет.

— Чего, Маш?

— Слушай, что в соннике про уток пишут. — И подруга принимается монотонно читать: — Приснившиеся вам утки в чистых водах реки предвещают счастливые путешествия, морские поездки. Если белые утки бродят по крестьянскому двору, сон сулит процветание вашему дому и большой урожай...

— Самое оно. Насчёт морских поездок и большого северного урожая.

— Подожди ты, слушай дальше! Охотиться на уток — предвестие резких перемен в осуществлении ваших планов. Если на охоте утки были прострелены, сон предвещает вмешательство недоброжелательных людей в ваши дела... Я тебе говорила, опасайся Лариску! Ты всё на Сашкину совесть надеешься.

— Ладно, Маш, потом, — говорит Тамара и хочет отключить мобильник. И так на душе из-за сна хреново.

— Подожди, здесь хорошее есть! Ага, вот. Если видите уток летящими, судьба улыбнётся вам. Возможен счастливый брак, рождение прекрасных детей или новый дом.

Это лучше. Но Тамара не просто утку видела, та топила её. И настойчиво так, злобно. До сих пор Тамара чувствует болезненную хватку клюва на затылке.

— Больше ничего про уток нет?

— В этом соннике нет, я в других посмотрю.

— Ты с Полиной Николаевной поговори, пусть по свечке и блюдечку погадает.

— Да помню я, помню!..

Окраина деревни. За последними домами и кедровой гривкой угадывается пустое пространство взлётного поля. На бревенчатом здании хантыйского музея, где Тамара вчера принимала сделанные дедом Каминным экспонаты, висит замок. Не торопятся девчата на работу. И осуждать их тяжело — обеих увольняют по сокращению штатов. Раньше предполагалось на базе музея открыть мастерскую по изготовлению поделок из бересты и бисера — всё-таки аборигенам работа. Специально прилетали телевизионщики из города, районная газета много писала. Но что-то там не сложилось. Похоже, опять проблемы с финансированием. Это в районе, который добывает каждую пятую тонну нефти в стране. Или как там, баррель.

— В Багдаде всё спокойно! — рапортует через забор Рогожников и прикладывает ладонь к вязаной шапочке. Выражение лица у него придурковатое.

Это ещё не старый мужчина с коротким крепким телом. Он выглядывает из теплицы с запотевшими стеклами, она у него капитальная, отапливается. А что не отапливать, Рогожников лесник, дрова и транспорт для него не проблема. Первые огурцы и помидоры в деревне у него. Сначала Тамара думала, Рогожников заигрывает. Оказывается, нет, он со всеми работниками администрации так здоровается.

— Почему в Багдаде? — спрашивает Тамара то, что давно хотела спросить. — Мы в деревне живём.

Рогожников ухмыляется.

— Неужели фильм не смотрела?.. Посмотри, советую. Название забыл, там один старик всё время такие слова говорит. Власть его уважала. До восьмидесяти лет старик дожил, башку не отрубили!..

И Рогожников щурится, то ли ласково, то ли с издёвкой. Станный человек, мутный какой-то. В деревне он не так давно, перевёлся откуда-то с большой земли. Говорят, там у него были проблемы. У такой язвы будут. Ты власть не люби, но Тамара-то здесь при чём?

Уже видно, как по взлётной площадке разъезжает машина с цистерной и поливает утрамбованную землю. Это чтобы не было пыли, полагается по инструкции. От пыли лётная техника быстрее выходит из строя, Тамара знает, не

зря столько лет была женой заведующего аэроплощадкой. То, что поливалка на взлётном поле, показатель: рейс состоится, “боинг” уже вылетел из города.

Тамара торопится в избушку из соснового бруса — здание аэропорта, где находится касса. Если бы даже не знала, что Анатолий на месте, это можно было бы понять по “Тойоте”, машина стоит рядом. До аэроплощадки Анатолию ходьбы три минуты, но он ездит, а как же!.. Наверно, уже выписывает билеты. Неужели не оставил?

Народа в комнате, она же зал ожидания, всего несколько человек. Это Тамару немного успокаивает. Настоящий бум начнётся летом, когда бюджетники станут разъезжаться в отпуска. Вот когда Анатолий в деревне царь и бог. Все перед ним прогибается, даже администрация. Но и теперь надо быть начеку. Человек поступит подло, понимает это, но вместо того, чтобы исправиться, начинает гадить. Обычное дело.

— Выписывает? — Тамара показывает головой в сторону комнатки с открытыми дверями, где рация. Там же сидит Анатолий.

Ей кивают. Среди пассажиров Тамара замечает в прошлом продавщицу рыбооповского магазина, а ныне пенсионерку и авторитетную гадалку Полину Николаевну. Удивляется (тоже улетает?..), но мимолётно, не до того. Заходит в кассу-диспетчерскую-кабинет, достаёт из куртки паспорт и молча кладёт на стол. Так же молча садится — не стоять же перед бывшим мужем. Хорошо хоть сучки этой нет, его жены. Анатолий оформил её кассиром, но занимается билетами в основном сам. Та больше сидит дома с детьми.

Бывший муж, увидев Тамару, делает скучное лицо. Чего, казалось бы, проще, возьми ручку и выпиши билет, а он тянется к микрофону, чем-то щёлкает в рации, вызывает борт. Говнится, показывает власть. Сейчас-то ничего, Тамара уже может спокойно его видеть, у неё Сашка, да и время прошло. А сначала было очень обидно. Прожили двадцать лет, трое дочерей — и пожалуйста, связался с молодой девкой, присланной в клуб методистом. Тамара достаёт портмоне, отчуждённо спрашивает:

— Сколько теперь?

Но Анатолий продолжает ломать комедию, делает вид, будто не слышит. Экипаж на подлёте, ответил, а он с умным видом всё не выпускает микрофон из рук.

— Сколько билет стоит, спрашиваю?

Анатолий наконец переводит на неё глаза, называет сумму.

— Ого! — вырывается у Тамары. Ей давно не приходилось летать, с прошлого ноября.

— А чего хочешь, керосин дорожает, — быстро отзывается Анатолий.

Тамара усмехается. Решил, её удивление вроде как сигнал, приглашение к нормальному разговору. Нет уж, ей этого не надо. И о Наташке и внуках ничего не скажет, если он спросит.

Но Анатолий не спрашивает. Почувствовал, видимо, её настроение. Может, и не собирался. Тамара забирает билет, паспорт, сдачу. Старается проделать это так, чтобы не было заметно досады. Жаль, не спросил!..

Самолёта ещё не слышно, и в первой комнате, служащей залом ожидания, Тамара заговаривает с Полиной Николаевной. Мелькает быстрая мысль, может, успеют ещё пойти к ней домой, погадают?.. Но тут же от этой мысли отказывается. Поздно, “боинг” ждать не будет. Полина Николаевна летит в город жаловаться на цех ЖКХ. Она купила тепловой счётчик, десяток станций оббегала, а здесь всё вольняет, не хотят врезать. Ещё бы, цеху невыгодно, по счётчику платить выходит меньше. Обнаглели.

Тамара смотрит на расстроенное лицо всё ещё подводящей глаза и губы Полины Николаевны и думает, что у неё впереди такие же проблемы. Тепловой счётчик в доме не установлен, а пенсия — это не зарплата работника администрации. Ещё Тамару томит и смутно удивляет сознание, что обычная с виду женщина может обладать такими способностями. Всю жизнь Полина Николаевна простояла за прилавком и не подозревала о них. Неужели и с ней возможно что-то похуже? Может, тоже есть необычные способности, просто Тамара об этом не догадывается? И как, наверно, интересно и страшно знать то, чего не знают другие.

“Боинг” — отдельная песня. Так в деревне прозвали двенадцатиместный АН-2. Он прилетает раз в неделю, и билеты на него дешевле, чем на вертолёт. Компенсация за страх и неудобства.

Сидеть в “боинге”, когда он на земле, приходится мало того что в тесноте, так ещё перекособочившись, подавшись телом в сторону пилотской кабины — она над передними шасси, которые намного выше заднего, хвостового. В колени крупной Тамары упираются ноги сидящего на противоположной лавке мужчины. И не раздвинешь колени, чтобы не давил, не пустишь его ногу между своими, не так поймёт. В салоне “боинга” полутемно. Салон — слишком шикарное название для узкого низкого пространства. Как в гробу, думает Тамара и пугается сравнения. Не нравится ей и то, как ведут себя оба летчика, слишком весёлые. Господи, долететь бы!..

Особенно ненадёжным самолёт кажется в воздухе. Ничего не стоит рассыпаться хлипкой конструкции, под которой сотни и сотни метров пустоты. Тамара представляет эту жуткую пустоту, на дне которой голые рогульки деревьев, обширные болота, сверху похожие на куски замши, сосновые и кедровые гривы с сохранившимся кое-где снегом — и кожу на Тамариной голове сводят мурашки. Сколько ни сглатывай, не помогает, уши напрочь заложены. Двигатель гремит так, что не слышно собственного голоса. Когда весёлые летчики закладывают вираж, Тамара, которая не знает, что такое морская болезнь, начинает шарить рукой в поисках пакета. Хорошо ещё, нет ветра, не болтает. Иначе точно бы все обрыгались.

В Сосниной Тамара выбирается из АН-2, словно выпила. Слава тебе, Господи! Сашкину сумку она едва не волочит по земле. Клянётся, что никогда больше на “боинге” не полетит. С какой, спрашивается, стати сорвалась, страха натерпелась?! Подождали бы внуки, вертолёт через два дня.

Тамару встречает зять Василий. Прямо у самолёта он перехватывает сумку и сочувственно интересуется:

— Все нормально, мамо?

Зять на Севере давно, но хохляцкие привычки и некоторые слова сохранил. В том числе “мамо”, когда обращается. Василий чернявый, с усиками, Тамара долго не могла понять, кого он ей напоминает. Пока наконец не вспомнила — писаря на картине “Запорожцы пишут письмо турецкому султану”. Постриги ещё под горшок — копия! Похож не столько усам, сколько понимающим, лукаво затаённым выражением лица. Зять в самом деле человек непростой. Когда другие в геологоразведочной экспедиции месяцами сидели без зарплаты и гадали, что будет дальше, Василий уволился, взял в банке ссуду и открыл рыбокопильный цех. Места-то здесь рыбные. И вроде ничего, дела идут неплохо. Даже детей с Наташкой родили, хотя сейчас на это не каждые молодые решаются.

Посёлок Соснина, конечно, не Тамарина деревня, но и не город. Простоты здесь тоже хватает. Свою пропахшую рыбой “Газель” Василий подогнал почти к “боингу”. Он ставит сумку в машину и распаковывает перед Тамарой переднюю дверцу.

— Садитесь, мамо.

— Уф! — выдыхает Тамара. — Подожди немного, дай на земле постоять. — Но тут же поворачивает к зятю озабоченное лицо. — Как у Наташки с молоком? Хватает на двоих? Или прикармливаете? Всё нормально?

Перед самым вылетом она звонила дочери, Наташкин голос ей не понравился. Вроде как что-то скрывает.

— Прикармливаем. Они хорошо детские смеси едят, в больнице привыкли.

— А с весом как?

— Почти набрали.

— Грудь берут?

— Наташа потом даёт. Тоже едят.

Тамара смотрит, как “боинг”, высадив в Сосниной часть пассажиров и взяв новых, разгоняется, чтобы лететь дальше. Его двойные крылья похожи

на полки для посуды, одна длиннее, другая короче. Ни за что больше не полетит на нём!.. Полина Николаевна осталась внутри, ей в город. Жаль, не получилось у них погадать.

— Ну что, поехали?

Василий кивает и садится за руль. Тамаре кажется, с прошлого раза весёлого лукавства в его лице поубавилось. Озабоченное оно какое-то, словно зять о чём-то постоянно думает. Тамара успокаивает себя, с этим сном про утку ей теперь везде будут мерещиться неприятности. Выкинь из головы.

Едут минут пять, но Тамаре кажется, дольше. Наверно, потому, что по пути встречаются машины, а на тротуарах видны люди. Тех и других не так много, но всё равно не деревня. У них если машины кто и покупает, то в основном для выпендрежа, взять того же Анатолия. Ездить особо некуда, зимник работает, дай Бог, месяца три в году. Зима вроде длинная, но пока его проложат, ледовые переправы наморозят, то да сё. Основная связь с большой землёй по воздуху, “Антонин Зырянов” тоже давно не ходит. А из Сосниной до города дорога круглый год, бетонка — цивилизация.

Неподалёку от Наташкиной двухэтажки Тамара замечает ряды голых берёзок, привязанных к косо воткнутым палкам. В лунке вокруг каждой торф. На фоне песка, который в Сосниной всюду, тёмный торф бросается в глаза.

— Что, парк у вас решили сделать?

— Вроде того.

— Ещё бы, теперь вы центр сельского поселения! Все деньги у вас. Куда хотите, туда направляете!..

Говорится это с полушутливым укором, мол, средства до деревень доходить не будут. Но зять тон не поддерживает, не начинает со смешком, с улыбками защищать поселковое начальство. Скучно роняет:

— Все равно коровы сожрут.

— Ты радоваться должен, будет где с детьми гулять. А ты — коровы!..

Тамара поворачивает к зятю лицо. Обычно весёлый, остроумный, он за словом в карман не лезет. Сейчас молчит. Или случилось что-нибудь и от неё скрывают, или зять просто не высывается. Всё-таки двое грудников.

— Поселение... — говорит, тормозя у подъезда деревянной двухэтажки Василий. — Ещё бы зоной назвали. Реформаторы...

И это опять странно.

Тамара не раз представляла, как возьмёт на руки двойняшек, зароеется лицом в пелёнки, вдохнёт сладкий детский запах. Верно говорят, к внукам отношение особое. Когда свои дети растут, сама ещё молодая, много других интересов, да и работа, хозяйство. Срывалась на дочерей, иногда не по делу. Двойняшек Тамара ещё не видела, но уже любит. Любила даже тогда, когда они не родились. Это правда, для внуков надо созреть.

— Ну, где они, показывай! — заявляет она в прихожей, едва сняв куртку.

Наташка делает большие глаза, прикладывает палец к губам.

— Те-с-с... Спят.

Она молодец, не опустилась, как бывает с кормящими мамочками. В аккуратном халате, причёсанная. Не поцеловала, а приложила, как в американских фильмах, свою щёку к Тамариной, чмокнула воздух. Молодёжь, у них так теперь принято.

— Ну хоть взглянуть, — тоже переходит на шёпот Тамара.

Наташка манит её за собой, осторожно открывает дверь в комнату, оглядывается и ещё раз прижимает палец к губам.

— Тимка такой чуткий, от малейшего звука...

Дети спят в одной кровати, но места в ней всё равно ещё много. Личики уже разгладились и не красные, нормальные, оба тихо посапывают. Шторы в комнате задёргнуты, полумрак и тишина.

— Господи, — шепчет Тамара, на глазах у неё слезы. — Господи...

Нежность и жалость рвут сердце. Только родились, а уже в боксе с кислородом лежали, капельницы ставили в эти маленькие ручки, иголками истыкали, бедные мои... Но она справляется с собой.

— Тимка? — едва слышно спрашивает, показав на завозившегося и недовольно сморщившего круглое лицо ребёнка.

— Нет, Анжела... — Наташка на цыпочках тянет её к двери. — Насмотришься ещё, пошли...

Всё-таки она молодец. Двое грудников, а сумела к материнскому приезду накрыть стол. Через несколько минут они втроём уже на кухне, зять наливает Тамаре полную рюмку.

— А себе?.. Наташка ладно, кормит, а ты чего скромничаешь? Наливай! Молодые переглядываются, дочь вступает за мужа:

— У него ещё дела, не надо его заставлять... Ну, мам, с приездом.

Тамара молча смотрит на Наташку, потом на зятя, вышивает. Нет, что-то не так. Василий раньше никогда не отказывался поддержать компанию. Ситуацию сглаживает подарок. Дочь на минуту отлучается из кухни, возвращается с небольшим глянцевым пакетом на золотистом шнурке.

— Мы не смогли вовремя подарить, ты не обижайся... С юбилеем, мамуля! Чтобы ты ещё пятьдесят лет прожила нам на радость.

На это раз Наташка целует по-настоящему. Целует, крутя ус и шутиливо подмигивая, зять. Раскрасневшаяся Тамара смеётся. Всё-таки хорошие они у неё. Старшая дочь только позвонила, средняя вообще не поздравила, та в Ханты-Мансийске живёт, а эти... Не подарок дорог — внимание. Однако на мгновение Тамара становится девчонкой, ей хочется узнать, что в красивом пакете. Но лезть в него сразу она считает неприличным.

— Нет, ты посмотри, посмотри! — настаивает дочь. — Вдруг не понравится.

Тамара, неловко посмеиваясь, уступает. В пакете продолговатый конверт. Уже догадываясь, что это деньги, Тамара достаёт его, открывает. Какая-то несерьёзная, похожая на фантик разноцветная бумажка, внизу надпись: 500 евро. О существовании евро Тамара знает, но ни разу не видела, только слышала, что они дорогие.

— Мы подумали и решили, — говорит дочь, — ты сама себе купишь, что надо. А то купим, а тебе вещь ни к чему. Правильно? Только деньги зря переводить. Или отложишь, мало ли, пригодится.

Наташка младшая, но самая толковая из дочерей. Окончила институт, удачно вышла замуж, до декрета работала экономистом у нефтяников. Если считает, что это хороший подарок, значит, так и есть.

— Обратите внимание, мама, — поддерживает зять, — у вас пятёрка с нулём и здесь пятёрка. Наше пожелание, чтобы вам дожить до пятёрки с двумя нулями. Подарок со смыслом!

Тамара машет на него рукой.

— Не надо, не надо! Я уже не та сейчас, а дальше так вообще!..

— Не прибедняйтесь, мы вас ещё замуж выдадим.

По-настоящему посидеть не удаётся. Во время еды Василий поглядывает на часы. Вскоре говорит, что ему пора. Едва он уходит, подаёт голос двойняшки. Оставив Наташку убирать со стола, Тамара спешит в комнату.

Вот когда она отводит душу. Ласково приговаривая, разворачивает пелёнки, меняет памперсы, осторожно, нежно гладит под распашонками маленькие худенькие тельца, берёт внука и внучку на руки, принимается рассказывать с ними по квартире. Врёт Василий, не набрали они ещё своего веса. Руки всё прекрасно помнят, уверенно держат двойняшек, будто и не прошло столько лет, как нянчили дочерей.

— Как у тебя хорошо получается. — Наташка стоит в дверях кухни, с улыбкой наблюдает за ней. — Я первое время боялась. Такие маленькие...

— Ничего, мамка, вырастим. Правда, Тимофейка, правда, Анжелка?.. Кормить когда будешь?

— Я поставила подогреть.

— Смеси? Может, сначала грудь дашь? Материнское молоко лучше.

Дочь отводит глаза.

— Что молчишь?

— Молоко пропало, — после паузы отвечает она.

— Почему? Давно?

— Уже неделя.

Дочь уходит на кухню и не появляется. Тамара с детьми на сгибах обих рук идёт следом.

— Почему пропало?
— Ты сядь, — говорит Наташа и трясёт бутылочки, взбалтывает подогретые смеси. Наконец решается. — Думаешь, куда Вася поехал?
— Куда — работа, наверно. А что?
— Если бы работа... В город, к прокурору. Цех у него хотят отобрать. Рейдеры. Слышала про таких?

4

С Линой Кулызиной Тамара училась в техникуме. Вообще-то она Сталина, Линой стала позже. В их техникумовской группе Кулызина была старостой. Это словно про неё сказано: комсомолка, спортсменка и просто красавица.

Ну, красавица не красавица, а то, что была в группе зоотехников самой активной, точно. Организовать для заочников культпоход, выступить на собрании, купить подарки преподавателям — это Сталина. Одно время Тамара была у неё в подчинении. Кулызина тогда заведовала коопзверопромхозом, в состав которого входила и звероферма в Тамириной деревне. Во время перестройки Кулызина прошла в депутаты, потом работала где-то в городе, и вот недавно её избрали главой сельского поселения. Так что опять она Тамарина начальница. К ней Тамара и пошла на следующий день.

Лина Степановна встретила приветливо. Заметила её в приёмной и сразу пригласила в кабинет:

— Заходи-заходи. Работников администрации я принимаю без очереди. Тем более из отдалённой деревни. — Это говорится для остальных, дожидющихся в приёмной. — Валя, чаю нам.

Как меняешься сама, почти не замечаешь, а в других перемены бросаются в глаза сразу. После того, как Тамара видела Кулызину в последний раз, та погрузнела, щёчки оплыли, кожа на шее дряблая, как ни прикрываяй крупными бусами. Ну так бывшая однокурсница и старше. А вообще-то видно, что следит за собой. Волосы осветлены, макияж, причёска.

— Слушай, мне сказали, ты увольняешься, — говорит Лина Степановна и на мгновение приостанавливается, это уже в кабинете, удивлённо смотрит на Тамару. — Правда, что ли?

— Пока в отпуск...

— Не глупи. Сейчас в госструктуры даже из бизнеса рвутся. Теперь не девяностые, всё поменялось. Лучше зонтика, чем госслужба, нет. Ты подумай, ты сначала хорошенько подумай!..

Тамара из уважения соглашается:

— Подумаю.

Отпивая из чашек, женщины принимают вспоминать знакомых по техникуму и коопзверопромхозу, кто где чем занимается, сколько детей и внуков. Некоторых уже нет в живых, другие вышли на раннюю северную пенсию или уехали на большую землю. Лина Степановна знает о многих, не то что Тамара в своей деревне. В общем, ностальгируют.

— Ты ко мне по делу?

— Даже не знаю, как сказать...

Вот оно. Тамара подбирается, отводит глаза, передвигает чашку на невысоком приставном столике, за которым они расположились.

— Говори как есть. — Лина Степановна улыбается и тут же убирает улыбку с лица, будто её и не было.

Это умение всегда озадачивало Тамару. На совещаниях в коопзверопромхозе Кулызина могла кому-нибудь улыбаться, потом улыбку мгновенно будто выключала, смотрела серьёзно, холодно. Словно отодвигала человека, говорила, что её улыбка ничего ещё не значит. Тамара одно время пыталась копировать начальницу, но у неё получалось неважно.

— У зятя неприятности. Он предпринимательством занимается, рыбокопильный цех, слышала, наверно... — И Тамара рассказывает то, что узнала от Наташки и Василия.

В феврале в цехе появились двое незнакомых мужчин, по виду не местные. Василий подумал, что хотят заключить договор или на поставку рыбы, или на приобретение продукции — обычное дело. Повели себя мужчины странно, сначала попросили показать цех, однако это Василия не насторожило. Когда вернулись в кабинет, предложили продать бизнес. Василий засмеялся, продавать цех ему даже в голову не приходило, столько труда вложено, да и прибыль нормальная. Покупатели не хамили, не угрожали, посоветовали не торопиться, подумать, они позвонят.

После их визита в цех зачастили с проверками. Районная санэпидстанция, пожарные, налоговики, технадзор... Раньше Василий со всеми жил дружно, сейчас выяснилось, что в цехе множество недостатков. В конце концов санэпидстанция заставила остановить производство. Деньги на счетах закончились, банк перестал давать кредиты, магазины нашли других поставщиков. В это время Василию и позвонили. Опять предложили продать цех, но сумму на этот раз предлагали смешную. А на днях ещё хлеще. Приехали крепкие ребята, вытолкали охранника, заняли кабинет Василия, опечатали сейф и отключили компьютер. Когда прибыла соснинская милиция, старший показал решение суда об удовлетворении материального иска поставщика рыбы. Всё как полагается, с печатью, с подписями. Василий клянётся, никто из поставщиков в суд на него не подавал.

— Да, мне уже говорили. — Лина Степановна кивает. — Спор хозяйствующих субъектов.

— Какой спор, Сталина?! Отобрать цех хотят, не мытьём, так катаньем. Там одного оборудования на четыре миллиона, зять до сих пор с банком не расплатился!..

Кульзина несколько секунд молчит.

— Ему нужно найти хорошего адвоката.

— Так он уже несколько раз ездил в город к прокурору!..

— И что?

— Говорят, ждите.

Лина Степановна искренне удивляется:

— Чего вам беспокоиться, скажи на милость? Прокуратура солидный орган, разберутся. Понимаю, была бы ещё нефтяная фирма, там бизнес отбирают серьёзные люди. А здесь шелупонь какая-нибудь, не те силы!..

Тамара решает:

— Ты не могла бы помочь?

— Как ты себе это представляешь? — Лина Степановна выключает улыбку, её лицо становится чужим.

— Ну, ты глава администрации, у тебя власть, милиция. И так повлиять можешь, позвони в город!..

Тамара знает, как решаются вопросы в деревне, уверена, здесь круче. У администрации сельского поселения больше возможностей.

— Ты ещё советские времена вспомни! Это тогда звонками всё решалось. Теперь не так, теперь демократия... — И снисходительно, как неразумному ребенку, Лина Степановна принимается объяснять, что существуют три ветви власти, законодательная, исполнительная и судебная. Исполнительная не имеет право вмешиваться в деятельность ни законодательной, ни судебной. Не прежние времена, у каждой власти своя зона ответственности. Спор хозяйствующих субъектов, закон разберётся.

Тамара понимает, Сталина помочь не хочет или не может. Но выработанный годами инстинкт подчинённого человека заставляет опустить голову и кивать, как бы даже каясь. Действительно, как сама не сообразила. Ей неудобно, что побеспокоила занятого человека, злоупотребила старым знакомством.

— Извини, — говорит она, поднимаясь. — Не буду отрывать тебя от дела. Вон сколько людей в приёмной.

— Ну что ты. — Кульзина поднимается тоже, провожает до дверей кабинета. — Я слышала, твоя дочь двойню родила? Передавай мои поздравления.

— Передам.

“Спасибо” Тамара не говорит.

Идти домой не хочется. Там ждёт Наташка, а что ей сказать?.. За благоустройство в Сосниной и в самом деле взялись серьёзно. В будущем парке с голыми берёзками женщины в комбинезонах с надписью на спинах “Жилищно-коммунальное хозяйство” насыпают торфяные клумбы, красят невысокий, городского вида забор из литого металла. На одной из сторон центральной улицы автокран вместо деревянного тротуара укладывает бетонные плиты. Стропальщики в оранжевых куртках машут рукавицами “майна”, “вира” и налегают на троса, стыкуя плиты. В устье боковой улицы остановилась и смотрит на всё это пегая корова с такой же пегой нетелью. На мордах растерянное удивление.

— Вот и хожу за ними, жду, пока опорожнятся! — со смешком говорит пожилая женщина, почти старуха, но очень живая. В руках у неё ведро и совок. — А что делать, огород удобрять надо. Здесь голымый песок, сын торфа привёз, а его одного на такую землю мало!..

Эту женщину Тамара видела. Когда вчера вечером прогуливала внуков в широкой двухместной коляске вокруг дома, та возилась на участке под окнами первого этажа. Женщина, видно, её тоже запомнила.

— Что, коров в посёлке много?

— Есть. Вот смотри, почти целое набрала. — Соседка показывает ведро со свежим навозом. — Говорят, стайки скоро сносить будут. Дескать, вид портят. А если семья к молоку привыкла, да к настоящему, а не из магазина? И зарплаты у всех разные. Здесь-то ещё рай, а у нас...

Соседка рассказывает, что сын перевёз её с большой земли. Цены там почти такие же, а пенсии намного меньше. Здесь к праздникам неработающим пенсионерам когда пятьсот рублей, когда тысячу подкинут, а в их краях и не мечтай. Одним словом, забота. Тамара внимательно смотрит на соседку. “Заелись мы, — думает она. — Всё нам не так. А вон как другие живут, в их бы шкуру!..” И волна благодарности к тому, что родилась на Севере, что здесь добывают нефть, что жизнь лучше, подступает к сердцу. И уже не таким обидным кажется нежелание Сталины помочь. Единственное, что смутно озадачивает, это то, что на улицах никто с ней не здоровается. Ну да, не деревня, здесь от неё ничто не зависит.

В квартире ор на два голоса. Наташка мечется между детьми, лицо у неё несчастное.

— Mam, не знаю, что с ними. Сухие, накормленные, а... Ты руки после улицы помой.

Она права, но слышать замечание неприятно. Тамара молча идёт в ванную, не спеша берёт мыло. В деревне руки особенно не моют, а дети вырастают здоровые, и молоко у матерей не пропадает. Однако надолго Тамары не хватает. Вытерев ладони, спешит в комнату, берёт заходящегося багрового Тимку, принимается расхаживать с ним по квартире, укачивает. Держит внука так, чтобы тот животиком был прижат к её телу. Показывает глазами дочери, делай то же с Анжелой.

— У них животы в этом возрасте болят. К тому же на смесях растут, не на материнском молоке.

Наташкины глаза наливаются слезами.

— Я что, виновата?..

Тамара не торопится её успокаивать. Пусть знает, как делать матери замечания. Наконец дети засыпают. В таком возрасте они почти всё время спят. По Наташкиному лицу видно, ей не терпится спросить, чем закончился поход в администрацию. Тамара коротко пересказывает разговор с Кульзиной. Дочь опускает голову, какое-то время сидит молча.

— Ты не говори, что ходила просить. Вася не любит.

Может, Наташка и права, что так за мужа переживает. Дети вырастут, разведутся, а хороший муж на всё время. Да на что жить, если Василий не будет приносить денег. Тамара смягчается:

— Пойди поспи пока.

— Я борщ варить поставила.

— Я доварю.

Дочь уходит в комнату к двойняшкам, а Тамара снимает с кастрюли крышку, выуживает из борща ломтик картошки. Дует в ложку, пробует. Ещё сырая, пусть покипит. Она набирает номер Сашкиного мобильного, слушает гудки. Наконец Сашка отзывается.

— Ты чего не звонишь? Вчера молчал, сегодня молчишь. Спишь, пожарник?

— Скажешь тоже. Проверка у меня. Документация там, материальная часть...

— Чего это вдруг? — Тамара озадаченно поднимает брови. Проверки пожарного депо вроде не намечалось, она бы знала.

— А хрен поймёт. Из города комиссия.

— И как?

— Вроде нормально.

— Ладно, — говорит Тамара. Ещё одна забота, ломай теперь голову. — Про парник не забыл? Огурцы поливаешь?

— Сегодня полью, ничего с ними не случится.

— Саш, ты это брось! Они сейчас нежные, погибнуть могут. Навоз внизу горит, температура...

— Я не могу разговаривать, потом перезвоню.

Тамара отводит от уха мобильник. Сашка глуповат, не понимает, с внеплановыми проверками просто так не приезжают. Ей стоило труда уговорить заведующую отделением назначить его начальником пожарного депо. Конкина у них ни рыба ни мясо, если на неё начнут давить, отстаивать не будет. Пожарное депо только название, всего одна машина, но должность хорошая, бюджетная зарплата, соцпакет, желающие всегда найдутся. А у Сашки нет специального образования. Ну, окончил пожарную учебу в армии. Теперь этого мало, дети начальства позаканчивали институты, их нужно трудоустроить...

Тамара набирает номер Конкиной. Разговор начинается вроде как с шутки:

— Ань, ты на моё место никого не взяла? А то смотри, я, может, ещё придумаю.

— Внуки уже надоели? — бесцветным голосом отзывается заведующая отделением. Тамара никогда не видела Конкину вышедшей из себя. Чтобы ни случилось — авария на котельной в самые морозы, убьют кого-нибудь, ханты по пьянке дом спалят, — Конкина всегда спокойна.

— Ну что ты, как эти солнышки могут надоест!.. — Тамара на время обо всём забывает, делится своим счастьем. Но здесь же и мысль: Конкина должна понимать её положение, сама скоро станет бабушкой, сын недавно женился. И вообще проникнуться к ней и расположиться. Как бы между прочим интересуется, что за проверка у Сашки.

— Не знаю, — отвечает Конкина. — Прилетели, попросили показать пожарку. Я отвела...

Тамара представляет лицо начальницы. На нём постоянно написано: не трогайте меня. Вот именно, не мешайте получать мою большую зарплату!.. Удивительный человек. Умудряется ни с кем не конфликтовать, но и не берёт ничего на себя. Удобна для начальства, потому и поставили заведовать отделением — никто не пишет на неё, не жалуется, не надо разбираться. Раньше Конкина директорствовала в школе, говорят, такой же была. Ни богу свечка, ни черту кочерга. Ничего больше не выяснив, Тамара с досадой отключает мобильник.

В начале их совместной жизни Сашка как-то заявил: “А чего мне здесь ловить? В случае чего, ноги в руки и до свиданья. Классные отделочники везде нужны”. Похоже, не шутил. В деревне он появился прошлым летом вместе с бригадой строителей. Тамару назначили курировать их работу — дом строился для хантйской семьи на бюджетные средства. Там она Сашку и увидела в первый раз. Молодой улыбчивый мужик с яркими голубыми глазами, он однажды спросил: “А в гости к вам, Тамара Ефремовна, прийти можно?” Тамара попробовала отшутиться: “Нашёл к кому в гости ходить. Вон сколько молодых вокруг!” — “Э, они не такие”. — “Чем же это я лучше?” — “Вы серьёзная женщина. Положение у вас”. — “Смотри какой!.. Да у меня зятя такие, как ты”. — “Ну и что?”

Казалось бы, пошутили и забыли. Но Сашка в самом деле явился вечером с бутылкой. Его прямодушие развеселило Тамару. Не то чтобы она поставила на себе крест как на женщине, но не с таким же молодым!.. Однако в тот же вечер всё и произошло. Через несколько дней Сашка перебрался к ней из интерната, где бригаду разместили до начала учебного года. А потом Тамара его устроила пожарным, недавно — начальником депо. Прост-то Сашка прост, но понимает, наверно, как от неё зависит. Должен понимать.

“Блин! Да я же увольняюсь!” — вдруг вспоминает Тамара. И эта мысль бьёт по голове, будто поленом.

5

Она едва дожидается, когда встанет Наташка. Но сразу о своём желании не говорит. Терпеливо смотрит, как дочь уходит в ванную, слушает звук воды из крана. На кухне Наташка появляется посвежевшая, волосы на висках слиплись от воды.

— Вася обедать придёт?

— Не знаю, мам. Может, опять в город поехал.

— Тогда садись, поедим.

Победав, Тамара говорит:

— Ты вроде пасьянсами увлекалась. Не забыла ещё?

— Да нет. А что?

Тамара рассказывает ей про сон с уткой. Ещё об одной вещи, на которую хочет получить ответ, она не говорит. Дочь становится оживлённой, в глазах появляется интерес:

— Я знаю лучше, чем пасьянс. Есть такая китайская Книга перемен, по ней тоже гадают.

— Китайская?.. — Тамара в сомнении поднимает плечи.

— Не бойся, это не китайские шмотки. Там шестьдесят четыре варианта, в каком-то из них ответ. Кстати, в молекуле ДНК тоже шестьдесят четыре составляющие.

— Ладно, давай.

Наташка приносит книжку, три монеты, листок бумаги, ручку. Тамара с усмешкой наблюдает за приготовлениями.

— Значит, так. Бери копейки, трясги в ладонях и бросай на стол. Если орлов выпадет больше, чертим одну сплошную линию. Если больше решек, чертим пунктир... Ты не смейся. Сосредоточь мысли на своём вопросе.

Попытка не пытка. Только с чего начинать — с утки или как повернутся дела у Сашки?.. Усмехаясь, Тамара трясёт в ладонях монеты, рассыпает их на столе. Наташка внимательно смотрит на то, что выпало, делает пометки на листке бумаги.

— Так, ищем, — наконец говорит она и принимается листать книжку. Находит выпавший вариант и поворачивает книжку к Тамаре. — Читай.

“До самой земли склонилась ветвь дерева под тяжестью снега, но скоро она выпрямится и займёт прежнее положение. Обстоятельства ваши в данный момент можно назвать лишь умеренно благоприятными. Если поведение ваше будет отличаться умеренностью и сдержанностью, впоследствии вы станете хозяином положения...” И ещё несколько обтекаемых, не очень понятных фраз. Китайцы.

— Ещё раз можно?

— Подожди, сейчас я, — отвечает Наташка и принимается трясти монеты. Выпавший вариант она читает молча.

— Ну что?

— А, так себе! — Дочь легкомысленно машет рукой, и Тамара понимает, что выпало неприятное. Наташка успокаивает себя: — Вообще-то любое гадание это так, развлечение!.. Ещё раз тебе?

На этот раз Тамаре сообщается, что она ощущает дисгармонию. Назревает конфликт. Ей надо вести себя скромно и сдержанно и если бросят перчатку, не поднимать её. Пусть всё идёт своим порядком, тогда наступят мир

и покой, и Тамара лишний раз убедится в том, что жизненные проблемы не только удручают, но и учат... В общем, поджечь хвост и не рыпаться. Но главное, Тамара не знает, какой ответ к чему относится. Когда она бросила на стол монеты, оба вопроса смешались в голове.

Через полчаса они кормят проснувшихся двойняшек. Дочь будет стирать детское бельё, а Тимку и Анжелу пеленают, укладывают в коляску и спускают со второго этажа во двор. Гулять с ними будет Тамара. На свежем воздухе дети сразу засыпают.

— Мам, — говорит Наташка, стягивая ворот халата под горлом, — ты обратила внимание, Анжела на хантыйку похожа? Лицо круглое, и смуглая. — А чего удивляешься. Дед у тебя хант, гены должны сказаться... Ладно, иди, простудишься. Мастита ещё не хватало.

Соседка, которая утром собирала навоз, опять возится под окнами. Узкая полоса чёрной от торфа земли тянется метров на десять. Заметив Тамару, старуха выпрямляется.

— Убей Бог, не могу без дела! — смеется она. — Картошку дешевле купить, а я сажать надумала — всё занятие! Может, сына уговорю тепличку поставить...

И старуха рассказывает о том, что раньше у нее была забота — внуки. Сейчас выросли, в ней не нуждаются, а руки чешутся, делать чего-то хочется. Сын у неё хороший, невестка тоже, говорят, отдыхай, а она не может, всю жизнь работала. Пока здоровье есть, будет понемногу топтаться.

Тамара кивает, однако в ответ ничего не говорит, боится разбудить двойняшек. В самом деле, старуха сначала жила своей жизнью, потом жизнью сына, его детей, а сейчас вроде как и не для кого. Работа — желание занять себя, чтобы не чувствовать пустоты, своей бесполезности. Неужели и её, Тамары, тяга к Тимке и Анжелке оттого, что своя жизнь закончилась? Дочери и внуки вытеснили, они теперь замена её жизни, той, что настоящая, заняли место?.. От такой мысли Тамара перестаёт качать широкую двухместную коляску и останавливается. Нет, она не согласна! Она ещё сама жить хочет.

— Ты гордая какая-то, — недовольно бросает старуха. — Слова от тебя не дождёшься!..

Тамаре не до неё. Не отвечая, толкает коляску по деревянному настилу вдоль дома, уходит. Колёса то и дело съезжают с узкой деревянной дорожки на песок, проваливаются, грузнут, но женщина не замечает этого. От открывшейся правды всё в ней оцепенело. Не хочу, не согласна, сама ещё жить хочу!..

Василий появляется поздно, уже после ужина. Наташка уводит его на кухню кормить, и они там вполголоса о чем-то разговаривают. Судя по всему, весёлого мало. Тамара во второй комнате, где ей определили ночевать, смотрит телевизор, спать пока рано. Какое-то время спустя молодые подсаживаются к ней на диван, тоже начинают смотреть фильм. Оба молчат.

Фильм американский, у парня убили родителей и его же подставили. Ему приходится прятаться от полиции, одновременно собирая на убийц улики. К делу подключается ФБР, парня обложили со всех сторон, кажется, ему только и остаётся, что пойти сдать. Но он не идёт, с разных телефонов звонит помощнику окружного прокурора, рискует, убегает, в него стреляют. В конце концов всё заканчивается хорошо. Помощник прокурора получает улики на убийц, один из них срывается с крыши небоскрёба, второй гибнет под машиной, суд присяжных парня оправдывает.

— Кино... — от долгого молчания силно говорит Василий. — Одно не могу понять, откуда у американцев такой оптимизм? Что ни фильм, правда обязательно побеждает. Или в Штатах на самом деле так? Добиваются, доказывают свое? Государство так устроено, у них можно?..

— Ладно, Вась. — Наташка берёт мужа за руку. — Проживём без цеха. Но тот уже не может остановиться:

— Я никому ничего плохого не сделал! Хочу только своим трудом зарабатывать. Головой, руками! А на меня смотрят, как... Хоть на стенку лезь, всё схвачено. Брошенный дом какой-то, кричи не кричи — никто не отзовется. Я для них хуже бомжа. Путаюсь под ногами, жить мешаю...

— Ва-а-сь, — тянет Наташка и прижимает руку мужа к себе. — Ну, вернёшься в экспедицию, будешь там работать. Я на детей получаю, с голоду не помрём...

Зять выдергивает руку.

— Не в этом дело! Я человек или скотина, чтобы со мной так?.. Налоги платил, что полагалось, делал! Почему такое отношение? Все понимают, а делают вид... — Он вдруг поворачивает отчаянно весёлое лицо к Наташке. — Может, взять ружье и разобраться? Как в американских фильмах?..

Тут уже вмешивается Тамара:

— Брось фигню нести! Детей без отца оставить хочешь?.. Себе жизнь поломаешь и семье!

Василий замолкает. Хохол, старших слушается. Наташка тихо всхлипывает сбоку.

— Вот что, — говорит Тамара, — сегодня дети пусть у меня спят. Перевезём кровать в эту комнату. И давайте ложиться, поздно.

Пусть Наташка с мужем останутся вдвоём. Выспятся, и вообще, стресс снимут. В семейной жизни это бывает нужно. А то за нервотрёпкой, наверно, забыли, как это делается. Выпить бы ещё им.

6

И опять ей снится сон про утку.

Глухая старица, густая осока у берегов, ряска на открытых местах. Тамара и её жёлтые пушистые братья и сёстры пытаются нырять, радостно трясут хвостиками, крутят по сторонам головёнками. Всё вокруг такое яркое и интересное. На этот раз Тамара видит мать-утку. Она большая, сильная, родная. Крякает, напоминает об осторожности, говорит, что жизнь полна врагов. Тамара не думает об этом, её тянет к осоке, там мальки, она уже знает их сытный вкус. Из осоки неожиданно появляется чужая утка и бросается к Тамаре. За ней ещё одна и ещё, страшные, с раскрытыми клювами. В этих чужих утках столько беспощадной злобы, что Тамара в ужасе машет скелетиками будущих крыльев, пытается бежать по воде, прочь, прочь, скорее к маме!.. Страшные утки догоняют её, принимаются топить, но мать уже несётся навстречу, стучит чужих уток клювом по головам, бьёт крыльями. Тамара прячется за большое тело, которого нет надёжней и роднее. Всё, никуда от нее, рядом, дальше от страшных уток, от предательской осоки, от мальков. По крайней мере, пока помнит...

Спокойные ребята, думает Тамара о внуках. За всю ночь двойняшки ни разу не проснулись. Она приподнимается на локте, заглядывает в кровать. Дрыхнут. Но приготовить есть надо, уже семь. Тамара встаёт, осторожно ступая, выходит в коридор. В комнате молодых тихо, куртка Василия на вешалке. Пусть побудут вдвоём.

Почти тот же сон, а впечатление совсем другое. Тамара сама удивляется своему спокойствию. Потому, что закончилось хорошо? “Это мне предупреждение”, — думает женщина. Что-то должно защищать и оберегать, вон какая теперь жизнь. Собственно, жизнь никогда доброй не была, только каждый раз недобрая по-своему. Решение появляется само собой. “Поторопилась!”. Но ещё не поздно, по-настоящему она не уволилась. Тамара включает на кухне радиоточку, приглушает звук. Музыка словно по заказу, энергичная, подталкивающая.

Надо лететь.

— Что-то у меня на душе беспокойно, — говорит она, когда Тимка и Анжела подмыты, перепеленаты и накормлены. Тамара берёт их по очереди на руки, держит “столбиком”, чтобы срыгнули лишнее. — Оставила хозяйство на квартиранта, а как там он справляется, не знаю. Навоз в парнике горит, огурцы требуют регулярного полива. Да и пахать огород скоро пора, картошку сажать...

В семье Сашка известен как квартирант, хотя о настоящей его роли все догадываются. Наташка и Василий смотрят друг на друга. Ведь договаривались, что Тамара уволится с работы и приедет надолго.

— Ладно, давайте вместе позавтракаем, — говорит Тамара, чтобы перевести разговор на постороннее. — А то всё порознь да порознь. Наташ, накрывай на стол.

Сама уносит детей в комнату, укачивает. Молодые её решению, понятно, не рады, но ведь отпуск большой, она ещё прилетит. А вот насчёт того, чтобы уйти на пенсию... Можно подыскать Наташке кого-то в помощь. Да хоть ту же соседку с первого этажа, бабка ещё энергичная, мается без дела. Тамара заплатит.

Викторовна звонит в самый неподходящий момент, внуки только-только закатали глаза. Тамара быстро выходит в коридор, негромко отвечает:

— Да, Маш?

— Хреново дело, подруга! Утром Лариска выходила из твоего дома.

Тамара несколько секунд молчит.

— Откуда знаешь?

— Люди видели! Вчера Сашка фестивалил в пожарке с комиссией, Лариску тоже пригласили. Вроде как для компании. А утром...

— Подожди, — останавливает Тамара. — Комиссия где ночевала?

— К тебе домой Сашка повёл, куда ещё?!

— А с чего ты решила, что Лариска с Сашкой была? Может, кто из комиссии пригрел.

— Удивляюсь твоему спокойствию, Тома! У неё мужика уводят, а она!..

— Что-то ты слишком заботишься обо мне, — сухо отвечает Тамара. Может, не шутила тогда Викторовна, на самом деле имеет на Сашку виды. Насчёт женской дружбы Тамара давно не заблуждается. — Надо будет, я сама с ними разберусь. Брось сплетни распускать.

Викторовна оскорблена:

— Я? Сплетни?! Будешь ещё локти кусать, да поздно будет! — И отключается.

Завтракают молча. Ещё одна причина, чтобы не уходить с работы. Викторовна, скорее всего, паникует, но, может, Сашка в самом деле хочет прилепиться к Лариске, чтобы была поддержка и защита? Однако не он всё же главное, пятьдесят лет, не так уж ей мужик и нужен. Кто Тамара без своей должности? Пенсионерка. Пустое место. Ничто. Никакой защиты.

— В аэропорт подбросишь? — спрашивает она у зятя.

Тот, не поднимая головы, кивает.

— Прямо сегодня, мам?.. — Наташка смотрит тоскливыми глазами.

— Я не надолго. Кое-какие вопросы решу, и обратно. Через пару дней буду.

К рейсу Тамара успевает. И с билетами проблем нет — летит вертолёт, билеты дорогие. Зато и условия хорошие, с "боингом" не сравнишь: просторный салон, мягкие, как в автобусе, сидения на два человека, чистые круглые, будто иллюминаторы, окошки.

— Садись ко мне, — хлопает по сидению рядом возвращающаяся из города Полина Николаевна. Заметив Тамару, она оживляется.

Тамара тоже рада видеть знакомого деревенского человека. Подсаживается к бывшей продавщице рыбкоопа, принимается расспрашивать, как дела, чего удалось добиться. За разговором женщины не замечают, как вертолёт поднимается и ложится на курс. Вверху грохочет двигатель, но слова разобрать можно. В районной администрации Полине Николаевне сказали, что ЖКХ теперь им не подчиняется, пусть обращается в суд. А это опять лететь в город. Не налетаешься, если ты пенсионер, и гостиница дорогая. К тому же неизвестно ещё, как суд решит.

— Испугаются жэкахашники судиться! — говорит Тамара, приблизив лицо к уху Полины Николаевны. — Подумайте сами, зачем им проблемы, зачем скандал?

Бывшая продавщица, а ныне гадалка в сомнении пожимает плечами.

— Испугаются, испугаются! — напористо повторяет Тамара, свято веря в то, что говорит. — Суды у нас демократичные, справедливые!..

Своего заявления на отпуск с последующим увольнением она ещё не переписала, но уже чувствует себя уверенно. Если захотеть, добиться можно всего. Было бы желание. И даже то, что под вертолётном сотни метров ледящей душу пустоты, Тамара теперь не пугает.

ДЕРЕВЕНСКИЕ КАРТИНКИ

Мэрка, хлеб и свобода

Каждое утро одна и та же история.

Внимательно смотрит на меня, машет хвостом, но подходить не торопится. Вдруг припадёт на передние лапы и нетерпеливо, с душой, взвизгнет. На его чёрно-белой физиономии явственно борются два чувства: есть хочется — и не хочется садиться на цепь. Ой, как не хочется!..

Однако пора, ночь прошла, набегался. Я достаю из кармана кусок хлеба, а другой рукой поднимаю цепь с ошейником.

Надо видеть его в эти секунды! Носится в нескольких метрах от меня, горестно лает, бросает укоризненные взгляды. Но голод всё же берёт верх, и щенок приближается ко мне. Даю хлеб и тут же накидываю ошейник на крепнущую с каждой неделей холку.

Хлеб мгновенно проглочен, я беру миску и иду в избушку — приготовить что-нибудь поосновательней. Оглядываюсь, и мне становится совестно. Мэрка с цепи не рвётся, он всё понимает, но, Боже мой, сколько тоски и печали в его глазах!..

Кажется, ещё древние римляне сказали: когда есть хлеб, нет свободы. И наоборот.

Увы, Мэрка, увы.

Последняя гулящая

Гулящими я зову деревенских коров. В самом деле гулящие. Как только проклонется трава, так до самых заморозков гуляют сами по себе. Окрестная тайга, пойма Ваха, деревенская улица — где только коров не встретишь. И никаких пастухов при них. Могут прийти во двор на дойку, а могут не прийти — бегай тогда хозяйка, ищи сама, мобилизуй детей на поиски. А то ведь переборит молоко в вымени, горьким станет.

Выхожу как-то сентябрьской ночью на крыльцо. Что такое? В тишине характерный звук подбираемой под корешок травы. Сообразил не сразу. Едва угадываемая тёмная масса за оградой медленно движется, дышит, щиплет остатки осеннего бурьяна... И то сказать, через неделю-другую поставят в стайку на долгие месяцы зимней тесноты и несвободы. Коровы, похоже, это чувствуют и напоследок не уходят с улицы даже ночью.

А одну, самую упорную, я видел уже по снегу. Возвращаюсь от колонки с двумя вёдрами воды и опять, как тогда ночью, слышу странные звуки. На этот раз будто без охоты трясут дерево с сухими листьями. Над первым снегом всё слышно далеко и удивительно ясно. Оглядываюсь — и метрах в ста вижу бурёнку, объедающую сплеленную, должно быть, ещё летом и выброшенную за ограду разлапистую ветку.

Пошуршит скоробившимся бурым листом, поднимет жующую морду и медленно посмотрит вокруг. Всё окрест белое, непривычное, нигде ни травинки, тревожно пахнет дымом из печек...

Нет, лучше уж в стайку, думает, должно быть, корова. Там сытнее и спокойней.

И глубоко, всей утробой, вздыхает.

Живое

Двое суток мело, ветер сумасшедше метался вокруг дома, тяжело бился в стены, наносил островерхие, будто спины динозавров, сугробы.

В такие дни мир суживается до размеров комнаты, где только и возможна, кажется, жизнь. А за её пределами — гибельный лёт снега, мутный хаос, вселенская стужа. Жалобно позвякивает печная задвижка, и раскачива-

ется, скрипуче трётся о бревенчатые стены избушки высокий шест с телеантенной.

Но всё проходит. И вот — тихий день, низкое слепящее солнце, чистое небо, почти фиолетовое в зените и бирюзовое по горизонту. Мой безупречный флюгер — флаг над деревенской администрацией — вяло опал, ни малейшего шевеления...

Невероятно!

Выхожу по накопившимся делам во двор. Гремя цепью, появляется из своей будки Мэрка, потягивается, далеко выставив передние лапы, и не собачьи громко, с подвывом зевает. Выглядит он вполне благополучно: двое суток спал, а выбирался из будки во время пурги лишь затем, чтобы полкать горячего.

Больше — никого. Тишина, ни одного живого существа. Непогода словно выморозила всех или замуровала под снегом. Даже молчаливых северных сорок не видно, хотя их раньше было вокруг порядком.

И вдруг такой знакомый незамысловатый голосишко! Я замираю, губы сами собой разъезжаются в улыбку. У дровяника прыгают несколько воробьёв. Здесь снег вымело до земли и оголились сухие кустики трав с семенами. Они-то и привлекли воробьёв. Воробьи суетятся, теребят былинки, бойко, сметливо поглядывают по сторонам.

Живы курилки, перенесли и мороз, и пургу, опять полны своего воробьиного оптимизма!..

Я стараюсь не двигаться, чтобы не спугнуть их, дать наклеваться семян. Но тут ныряющим лётом пронёслась синица, прозвенела что-то, и воробьи тотчас срываются за ней. Видно, есть где-то корм получше.

Стою, смотрю им вслед. Уже и морозец прихватывает уши, и Мэрка требовательно взлаивает, хочет есть. А я всё стою и смотрю в ту сторону, куда исчезли воробьи.

Словно с друзьями расстался.

Пир в начале зимы

В стаи сороки собираются чрезвычайно редко. А если уж собрались — значит, что-то произошло. Например, в соседском дворе забили бычка.

Событию самое время. Уже морозно, уложенное в железную бочку и присыпанное снегом (чтобы не вымерзало) мясо будет без проблем храниться всю зиму. А негодную требуху, свернувшуюся чёрную кровь хозяева вывалили за ограду.

Радость великая не только для деревенских собак, но и для сорок. Похоже, они собрались со всей округи. Снег испятнан их пёстрыми телами. Сороки деловито снуют, нахально выдёргивают куски из-под носа у собак. Но те на них не в обиде — всем хватит. Хотя, конечно, для порядка поднимают измазанные кровью морды, рычат и делают вид, что хотят броситься. Сороки отлетают на метр, но секунду спустя опять принимаются за своё.

Пир продолжается день, а то и два. Всё это время за бревенчатой стеной стайки перетаптывается, тревожно взмывает корова. Она никак не может понять, куда подевался её бычок. Хотя могла бы уже привыкнуть — такое происходит каждый год...

Незамысловатый слепок нашей жизни. Одним радость, другим горе. То и другое по одному и тому же поводу.

Закаты

Удивительные закаты бывают зимой. Нежный чистый свет заполняет полнеба, переходы от розового к палевому, потом к изумрудному и светло-синему почти неуловимы. Впечатление глубины и неохватности простора над притихшей вечерней землёй.

Скучными и ненужными кажутся в этот час и жёлтые огни в деревенских домах, и чёрные, резко обрисованные верхушки елей на шафранном фоне внизу заката, и сумеречно синий снег.

Смотрел бы и смотрел не отрываясь на чистый простор на западе, на кровавый нежный свет зари. И молчал бы благодарно, затаив дыхание.

В такие минуты верится, что есть душа. И что она бессмертна.

Дрейфующий во льдах

Про себя я зову его “Фрамом”. Взгляд каждый раз спотыкается о него, когда смотрю с высокого берега Ваха вверх по течению. Вмерзшее в реку далекое судёнышко, одинокое на ровном снежном просторе, чужое среди прибрежной тайги и редких следов “Буранов”. Отсюда оно кажется странным, загадочным.

Сравнение с “Фрамом”, конечно, неточное. Там — Северный Ледовитый океан, мужественный норвежец Нансен, корабль, специально построенный так, чтобы его не могли раздавить мощные льды. Здесь — заурядный работага буксир, по небрежению или обстоятельствам оставленный зимовать посреди реки...

Всё так. Но почему почти физически чувствуешь одиночество этого брошенного людьми судёнышка, его упорное стремление к обжитому берегу? Тяга, чудится мне, такова, что полуметровый лёд потрескивает под её напором, вот-вот разойдётся зигзагами похожих на молнии трещин.

Так, наверно, и “Фрам” стремился сквозь бесконечный ледяной простор и замороженную полярную ночь к людям, одинокий и неприкаянный среди пурги и выжидающе бродящих вокруг белых медведей.

Сделанное человеческими руками выглядит без человека сиротливо. Оно чуждо природе, великой и равнодушной. Это так ясно понимаешь, глядя с высокого берега на замерзший вдали кораблик...

Тревожные птицы

И раз, и другой замечаю на окне синичку. Стремительно появляется в углу рамы, беспокойно крутит головой, словно старается кого-то высмотреть через стекло. В её маленьком быстром тельце, в цепко ухватившихся за крашеное дерево лапках мне чудится что-то тревожное, какая-то недобрая весть.

Ведь было же. В напряженном ожидании сидела едва ли не вся родня в городской нашей квартире, ждали у телефона, чем закончится тяжёлая операция. И вдруг в стекло стал биться голубь. “То Артемова душа, — заплакала бабушка, — нет его больше!”

Слава Богу, отец в тот раз остался жив. Но то, что он был между жизнью и смертью, совершенно точно. Позже я сопоставил время. И может, отлетевшая душа превратилась в птицу, понеслась к своим, чтобы попрощаться. Кто знает, как оно бывает там, на грани...

Бросаю все дела и, проваливаясь по колено в свежавыпавшем снегу, иду за деревню, на релейку. Не слишком послушными пальцами набираю мамин номер. Немного отпускает, когда слышу её особенно дорогой сейчас голос. “А как у Лени?” У брата тоже всё в порядке. Несколько секунд сижу неподвижно, будто после тяжёлой, взявшей все силы работы.

— Пап, ты знаешь, синицы дёргают из щелей вату, — встречает меня дома пришедший из школы сын. — Мы с тобой конопатили окна, а они вытаскивают. Для гнезда, наверно.

Смущённо улыбаюсь. Вон, оказывается, в чём дело!.. Но я не расстраиваюсь, не досаую на птиц. Милые, да хоть всю вату из рам выдергайте! Я вам целую упаковку дам, сам к гнезду принесу!..

Лишь бы всё хорошо было.